

С. Н. Уваров

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УДМУРТИИ В 1930-е гг.¹

В статье рассматривается неизученная тема демографических процессов, происходивших у русских, удмуртов, татар и марийцев Удмуртии в 1930-е гг. Источниками являются в основном неопубликованная текущая статистика, а также материалы переписей, в т. ч. неопубликованные. В научный оборот впервые вводятся сведения об этнической рождаемости и смертности с 1930 по 1939 год в области/республике (кроме 1932 г., данные за который в архивах не обнаружены). Прослеживается динамика и сравниваются тенденции естественного движения крупнейших национальностей региона; устанавливаются факторы, повлиявшие на воспроизводство. К их числу относятся и голод, причем, согласно демографическим показателям, в 1936 г. он был не менее значителен, чем в 1932–1933 гг. Подсчитаны результаты естественного прироста. На их основе сделаны выводы о том, что ассимиляция еще не играла большой роли, а численность русских и татар сильно возросла вследствие их переселения в Удмуртию. Рассчитаны относительные значения этнического воспроизводства за 1926 и 1939 годы. Самый высокий коэффициент рождаемости в это время был у удмуртов, а смертности – у марийцев (в 1926 г.) и удмуртов (в 1939 г.). Определен национальный состав Удмуртии в 1926 г. в границах 1939 года. Это позволило, во-первых, установить реальный прирост численности четырех народов за межпереписной период в пределах одной территории. Во-вторых, удалось определить, что в 1927–1938 гг. к области/республике были присоединены территории, на которой в декабре 1926 г. проживало 263 774 чел. Полученные результаты и выводы помогают по-новому взглянуть на региональную историю 1930-х гг.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, естественный прирост, младенческая смертность, русские, удмурты, татары, марийцы, Удмуртия, 1930-е гг., голод, здравоохранение.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-664-677

1930-е годы – особый период в отечественной истории. Сталинский «большой скачок» потребовал огромных жертв и кардинальным образом изменил демографическую картину страны. Людские потери были настолько велики, что публикацию демографической статистики *прекратили*, перепись 1937 г. объявили *дефектной*, а результаты переписи 1939 г. сфальсифицировали и к полученным данным сделали существенные приписки. На сегодня ученые добились больших успехов в изучении демографической истории России 1930-х гг. и приоткрыли завесу над многими ее тайнами [см. напр.: Андреев, Дарский, Харьковская 1998; Араловец 2009; Вербицкая 2009; Жиромская 2001; Исулов 2000; Корнилов 2014, 2016; Нефедов 2013; Anderson, Silver 1985; Lorimer 1946; Rosefielde 1983]. Однако этническая специфика воспроизводства населения по-прежнему изучена слабо. Даже в крупных этнодемографических работах рождаемость и смертность народов 1930-х гг. рассматривается вскользь [Бондарская 1977; Козлов 1982].

Между тем динамика рождаемости и смертности – это четкий индикатор реакции населения на внешние условия существования. Разные народы по-разному реагировали на форсированную индустриализацию 1930-х гг., на сплошную коллективизацию, голод и массовые репрессии, что еще больше актуализирует исследование этнического воспроизводства в данный период. Добавим, что после 1939 г. наступил перерыв почти на два десятилетия, когда статистические органы не учитывали рождения и смерти по национальности.

Рассмотрим этнодемографические процессы (рождаемость и смертность) в Удмуртии в 1930-е гг. на примере наиболее многочисленных национальностей (русских, удмуртов, татар и марийцев). Другие народы, ввиду их малочисленности в регионе, не всегда выделялись в статистических отчетах (даже о марийцах, как будет показано ниже, сведения иногда включались в графу «прочие народы»). В имеющихся работах затрагивалась лишь динамика численности, миграции, межнациональных браков [Логич-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Исследование этнодемографического развития Удмуртии в XX – начале XXI века в целях сохранения полиэтничного многообразия и этнополитической стабильности» №16-11-18005.

нова, Жулина 2011; Уваров 2014; Удмуртская Республика... 2012; Удмурты... 1993]. Так что заявленная тема остается пока неисследованной.

Источниками изучения явились в основном неопубликованная текущая статистика, отложившаяся в фондах Статистического управления УАССР. Использовались также материалы переписей, в том числе и неопубликованные (особую ценность представляют пересчеты материалов переписи 1926 г. в границах Удмуртии на 1939 г.). Этническая принадлежность этими источниками определялась по-разному. Во время проведения переписей национальность записывалась со слов опрашиваемого. Переписи довольно точно определяли национальный состав; не указавших свою принадлежность было мало.

Новорожденный получал ту национальность, которую имела его мать. В свою очередь, национальность матери определялась по документам, как и национальность умерших. Текущая статистика, к сожалению, в 1930-е гг. часто не фиксировала этническую принадлежность родившихся или умерших. Так, в 1930 г. неизвестной осталась национальность 746 родившихся и 363 умерших в области, в 1931 г. соответственно – 699 и 1031 чел., в 1934 г. – 1655 и 1009 чел., в 1935 г. – 1243 и 467 чел., в 1936 г. – 801 и 281 чел., в 1937 г. – 879 и 382 чел., в 1938 г. – 1306 и 264 чел., в 1939 г. – 933 и 282 чел. [ЦГА УР. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 1069. Л. 49; Д. 1081. Л. 64; Д. 1167. Л. 59; Ф. Р-845. Оп. 1. Д. 91. Л. 86; Оп. 3. Д. 101. Л. 201, Д. 108. Л. 33; Д. 109. Л. 25; Оп. 7. Д. 1. Л. 56] (за 1932 г. данные не обнаружены, а в 1933 г. в статистических отчетах количество неизвестных объединено с числом *прочих народов*). И если на показатели крупных народов (русские, удмурты) это количество повлияло бы незначительно, то у татар и марийцев они могут кардинально поменять значения.

Сначала обратимся к численности народов, поскольку она, совместно с миграцией и ассимиляцией, – это важнейшая результирующая воспроизводства той или иной этнической общности. Официальные данные переписей населения 1926 и 1939 гг. представлены в табл. 1. Они показывают, что сильнее всего из рассматриваемых национальностей выросла численность татар (в 2,4 раза). Русских и марийцев стало больше в 2,1 раза. Количество удмуртов увеличилось всего в 1,2 раза. В итоге доля русских в национальном составе Удмуртии выросла с 43,3 % до 55,7 %, татар – с 2,3 % до 3,3 %, марийцев – с 0,4 % до 0,5 %. Удельный вес удмуртов сократился с 52,3 % до 39,4 %. В последующем титульная нация по численности будет занимать в республике только второе место.

Таблица 1

Национальный состав Вотской АО / Удмуртской АССР по переписям населения 1926 и 1939 гг., чел.

	Все население			Городское население			Сельское население		
	1926	1926***	1939	1926	1926***	1939	1926	1926***	1939
Все национальностей	756264	1020038	1219350	77112	127808	320504	679152	892230	898846
Русские	327493	561098	679294	69215	118218	260750	258278	442880	418544
Удмурты*	395607	420981	480014	3034	3087	35956	392573	417894	444058
Татары**	17135	18778	40561	4009	5067	17668	13126	13711	22893
Марийцы	2827	5163	5997	8	10	237	2819	5153	5760

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 года...; ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 186. Л. 7; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Уральский регион..., 84.

* без бесермян в 1926 г.

** без кряшен в 1926 г.

*** в границах на 1 марта 1939 г.

Важнейшей причиной резкого различия у разных народов динамики численности явились административно-территориальные преобразования: если площадь Вотской автономной обл. в 1926 г. равнялась 30 355 км², то Удмуртская АССР в 1939 г. располагалась на 41 075 км² [Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. ..., 13; ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 1. Д. 113. Л. 20]. Самые масштабные изменения пришлись на 1937–1939 гг., когда присоединились Воткинский, Сарапульский, Каракулинский, Киясовский и Кизнерский районы, и территория Удмуртии приобрела современный облик.

Неопубликованные архивные материалы позволяют определить национальный состав присоединенных территорий. В 1939 г. статистические органы пересчитали численность населения по переписи 1926 г. в новых границах. Тем самым мы имеем возможность проследить изменения численно-

сти населения, а также самых крупных этнических групп, – по сопоставимой территории. Эти данные еще нигде не публиковались и не были введены в научный оборот.

По переписи 1926 г. население области в границах на 1939 г. составило 1 020 038 чел. (табл. 1). Получается, что в 1927–1939 гг. к области/республике были присоединены территории, на которых в 1926 г. проживало 263 774 чел. Из них русские составили 233 605 чел. (88,6 %), удмурты – 25 374 чел. (9,6 %), татары – 1 643 чел. (0,6 %), марийцы – 2 336 чел. (0,9 %).

Кроме того, произведенный УНХУ УАССР пересчет позволил установить, что за 1927–1938 гг. (в 1926 г. перепись проводилась в декабре, а в 1939 г. – в январе, поэтому переписные годы не учитываются) население Удмуртии в сопоставимых границах увеличилось всего на 168 201 чел. (на 16,5 %). Число русских увеличилось на 118 196 чел. (21,1 %), удмуртов – на 59 033 чел. (14,0 %), татар – на 21 783 чел. (116,0 %), марийцев – на 834 чел. (16,2 %). В реальности у удмуртов и татар прирост был меньшим. Дело в том, что во время переписи 1926 г. 9 200 бесермян и 2 113 кряшен учитывались еще отдельно, и в табл. 1 численность удмуртов и татар приведена за этот год без них, а в 1939 г. их включили уже в число соответствующих национальностей. Тем не менее, у татар прибавка даже без кряшен получалась аномально высокой и может объясняться только миграцией.

С конца 1920-х гг. в стране началась форсированная индустриализация, стимулировавшая процессы урбанизации. С конца 1926 г. и к 1939 г. число горожан в Удмуртии увеличилось в 4,2 раза. Конечно, отчасти подобный рост в такие кратчайшие сроки получился в результате присоединения Воткинска, Сарапула и Камбарки. Но даже по сопоставимой территории (в границах на 1939 г.) увеличение городского населения в Удмуртии составило 2,5 раза. При этом русских в городских поселениях республики оказалось больше в 2,2 раза, удмуртов – в 11,6, татар – в 3,5 и марийцев – в 23,7 раза.

Столь серьезный рост числа горожан у восточно-финских народов объясняется тем, что к началу сталинской модернизации они были преимущественно сельскими нациями, а в городах проживало считанное число представителей удмуртов и марийцев. Из-за низкого стартового уровня темпы урбанизации у них были такими значительными. Во время первых пятилеток восточных финно-угров привлекал не только индустриальный Ижевск, где в 1939 г. уже проживало 21 387 удмуртов и 109 марийцев. Как следует из данных табл. 1, в Воткинске, Сарапуле и Камбарке в 1926 г. удмуртов насчитывалось всего 53 чел., а марийцев – 2 чел. В 1939 г. в том же Воткинске проживало уже 1066 удмуртов, в Сарапуле – 638, в Камбарке – 24, марийцев – соответственно 15, 58 и 39 чел. [Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный...]. Тем не менее, и к концу десятилетия доля городских жителей у восточно-финских народов Удмуртии оставалась крайне невысокой.

Что касается сельских жителей, то выясняется следующий любопытный факт. Если сравнить численность русских на селе в ВАО в 1926 г. и УАССР в 1939 г., то их стало больше в 1,6 раза. Но если сравнивать их на сопоставимой территории (в границах 1939 г.), то за межпереписной период русских селян оказалось меньше на 24 336 чел. У удмуртов, татар и марийцев число сельских жителей росло, причем сильнее всего – у татар (в 1,7 раза).

Далее рассмотрим показатели естественного движения (табл. 2–4), начав с рождаемости, динамика которой в абсолютных значениях представлена в табл. 2. Сведения за 1932 г. приводятся лишь по всему населению области, поскольку по отдельным этническим общностям в архивах они не обнаружены. К сожалению, в таблице также отсутствуют данные о марийцах за 1933–1934 и 1936 гг., так как в отчетах УНХУ они еще не были выделены.

В начале 1930-х гг. число рождений в области очень быстро сокращалось (рис. 1). С 1930 г. по 1933 г. оно уменьшилось на 22,5 %: у русских – на 20,7 %; у удмуртов – на 25,1 %; у татар – на 28,9 %. Главной причиной столь масштабного падения рождаемости был голод 1932–1933 гг., ставший следствием, прежде всего, сверхизъятия зерна. Как показали исследования О.Н. Леконцева, урожайность и валовые сборы в эти годы в регионе постоянно росли, а неблагоприятные погодные условия были только локального характера. Так, в 1933 г. в Удмуртии засуха охватила 12 северных районов. В целом в Вятской губернии в 1932 г. урожайность зерновых составила 8 ц/га, в 1933 г. – 8,7 ц/га. Валовый сбор зерновых по губернии составил в 1932 г. 15 млн. ц, в 1933 г. – 16 млн. ц [Леконцев 2010, 170–172].

С 1934 г. число рождений в Удмуртии стало постепенно увеличиваться. В 1937 г. был превзойден уровень начала десятилетия, а в 1939 г. превышение составило уже 19,5 %. Число рождений за 1930-е гг. увеличилось у русских, татар и у марийцев. Только удмуртов в 1939 г. родилось меньше на 443 чел. (на 1,7 %), чем в 1930 г., хотя их численность за это время существенно возросла.

Таблица 2

Рождаемость населения ВАО/УАО/УАССР в 1930–1939 г. по национальности (без мертворожденных), чел.

	Вся республика						Городское население						Сельское население									
	Удмурты		Татары		Марийцы		Русские		Удмурты		Татары		Марийцы		Русские		Удмурты		Татары		Марийцы	
	Всего	Русские	Удмурты	Татары	Марийцы	Всего	Русские	Удмурты	Татары	Марийцы	Всего	Русские	Удмурты	Татары	Марийцы	Всего	Русские	Удмурты	Татары	Марийцы		
1930	48104	19837	25333	1355	155	5575	4328	428	465	1	42529	15509	24905	890	154							
1931	42739	18182	21873	1074	159	5640	4793	318	460	2	37099	13389	21555	614	157							
1932	43752	н/д	н/д	н/д	н/д	5907	н/д	н/д	н/д	н/д	37845	н/д	н/д	н/д	н/д							
1933*	37283	15726	18985	964	н/д	4866	4093	346	335	н/д	32417	11633	18639	629	н/д							
1934	38091	15790	19003	1104	н/д	5022	4055	443	400	н/д	33069	11735	18560	704	н/д							
1935	39779	17032	19735	1236	213	5734	4350	602	475	1	34045	12682	19133	761	212							
1936	44526	19046	22679	1523	н/д	6625	5276	666	530	н/д	37901	13770	22013	993	н/д							
1937	50551	27508	20040	1647	282	12581	10544	1065	782	3	37970	16964	18975	865	279							
1938	51330	27207	20600	1723	267	12785	10455	1329	840	1	38545	16752	19271	883	266							
1939	57506	29107	24890	2048	298	13666	10924	1572	960	1	43840	18183	23318	1088	297							

Источник: ЦГА УР. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 1069. Л. 49, 51, 53; Д. 1081. Л. 62–65; Д. 1167. Л. 7, 7об., 57–59; Ф. Р-568. Оп. 3. Д. 24. Л. 6; Ф. Р-845. Оп. 1. Д. 91. Л. 85–86; Оп. 3. Д. 101. Л. 199–201, Д. 108. Л. 18, 26, 33; Д. 109. Л. 11, 19, 25; Оп. 7. Д. 1. Л. 26, 46, 56.

* в источнике за этот год перепутаны цифры родившихся в городах у русских и удмуртов, в результате неверно подсчитаны итоговые данные, в таблице неточность исправлена.

Таблица 3

Смертность населения ВАО/УАО/УАССР в 1930–1939 г. по национальности, чел.

	Вся республика						Городское население						Сельское население									
	Удмурты		Татары		Марийцы		Русские		Удмурты		Татары		Марийцы		Русские		Удмурты		Татары		Марийцы	
	Всего	Русские	Удмурты	Татары	Марийцы	Всего	Русские	Удмурты	Татары	Марийцы	Всего	Русские	Удмурты	Татары	Марийцы	Всего	Русские	Удмурты	Татары	Марийцы		
1930	28503	12172	14942	538	96	3525	2880	324	257	1	24978	9292	14618	281	95							
1931	28175	11040	15101	560	70	3600	3009	299	213	2	24575	8031	14802	347	68							
1932	22342	н/д	н/д	н/д	н/д	4195	н/д	н/д	н/д	н/д	18147	н/д	н/д	н/д	н/д							
1933	30685	12654	16326	765	н/д	4829	4095	349	344	н/д	25856	8559	15977	421	н/д							
1934	27357	9561	15503	765	н/д	3483	2795	334	263	н/д	23874	6766	15169	502	н/д							
1935	23474	10171	11894	696	92	3226	2579	315	271	1	20248	7592	11579	425	91							
1936	32760	13375	17685	1037	н/д	4256	3353	464	383	н/д	28504	10022	17221	654	н/д							
1937	37139	19050	16167	1171	272	7966	6507	778	531	12	29173	12543	15389	640	260							
1938	34256	17455	15317	961	156	8169	6760	823	484	2	26087	10695	14494	477	154							
1939	34766	17716	15423	1082	149	8419	6802	973	532	3	26347	10914	14450	550	146							

Источник: ЦГА УР. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 1069. Л. 49, 51, 53; Д. 1081. Л. 62–65; Д. 1167. Л. 7, 7об., 57–59; Ф. Р-568. Оп. 3. Д. 24. Л. 6; Ф. Р-845. Оп. 1. Д. 91. Л. 85–86; Оп. 3. Д. 101. Л. 199–201, Д. 108. Л. 18, 26, 33; Д. 109. Л. 11, 19, 25; Оп. 7. Д. 1. Л. 26, 46, 56.

Естественный прирост населения ВАО/УАО/УАССР в 1930–1939 г. по национальности, чел.

	Вся республика				Городское население				Сельское население				
	Всего	Удмурты			Всего	Удмурты			Всего	Удмурты			
		Русские	Татары	Марийцы		Русские	Татары	Марийцы		Русские	Татары	Марийцы	
1930	19601	7665	10391	817	2050	1448	104	208	17551	6217	10287	609	59
1931	14564	7142	6772	514	2040	1784	19	247	12524	5358	6753	267	89
1932	21410	н/д	н/д	н/д	1712	н/д	н/д	н/д	19698	н/д	н/д	н/д	н/д
1933	6598	3072	2659	199	37	-2	-3	-9	6561	3074	2662	208	н/д
1934	10734	6229	3500	339	1539	1260	109	137	9195	4999	3391	202	н/д
1935	16305	6861	7841	540	2508	1771	287	204	13797	5090	7554	336	121
1936	11766	5671	4994	486	2369	1923	202	147	9397	3748	4792	339	н/д
1937	13412	8458	3873	476	4615	4037	287	251	8797	4421	3586	225	19
1938	17074	9752	5283	762	4616	3695	506	356	12458	6057	4777	406	112
1939	22740	11391	9573	966	5247	4122	599	428	17493	7269	8868	538	151

Источник: ЦГА УР. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 1069. Л. 49, 51, 53; Д. 1081. Л. 62–65; Д. 1167. Л. 7, 7об., 57–59; Ф. Р-568. Оп. 3. Д. 24. Л. 6; Ф. Р-845. Оп. 1. Д. 91. Л. 85–86; Оп. 3. Д. 101. Л. 199–201, Д. 108. Л. 18, 26, 33; Д. 109. Л. 11, 19, 25; Оп. 7. Д. 1. Л. 26, 46, 56.

Таблица 5

Смертность детей до 1 года в ВАО/УАО/УАССР в 1930–1939 г. по национальности, чел.

	Вся республика				Городское население				Сельское население				
	Всего	Удмурты			Всего	Удмурты			Всего	Удмурты			
		Русские	Татары	Марийцы		Русские	Татары	Марийцы		Русские	Татары	Марийцы	
1930	11907	5254	6138	205	1389	1101	134	109	10518	4153	6004	96	38
1931	10908	4670	5626	200	1402	1161	127	95	9506	3509	5499	105	18
1932	8413	н/д	н/д	н/д	1549	н/д	н/д	н/д	6864	н/д	н/д	н/д	н/д
1933	10055	4626	4991	202	1511	1275	127	103	8544	3351	4864	99	н/д
1934	8954	3745	4617	193	994	776	113	86	7960	2969	4504	107	н/д
1935	8678	4125	4058	253	1166	879	133	128	7512	3246	3925	125	45
1936	13147	5606	6842	423	1644	1251	194	173	11503	4355	6648	250	н/д
1937	14019	7772	5555	413	3313	2672	361	217	10706	5100	5194	196	91
1938	12216	6625	5076	369	3325	2656	415	216	8891	3969	4661	153	40
1939	14205	7448	6106	446	3688	2882	517	236	10517	4566	5589	210	54

Источник: ЦГА УР. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 1069. Л. 49, 51, 53; Д. 1081. Л. 62–65; Д. 1167. Л. 7, 7об., 57–59; Ф. Р-568. Оп. 3. Д. 24. Л. 6; Ф. Р-845. Оп. 1. Д. 91. Л. 85–86; Оп. 3. Д. 101. Л. 199–201, Д. 108. Л. 18, 26, 33; Д. 109. Л. 11, 19, 25; Оп. 7. Д. 1. Л. 26, 46, 56.

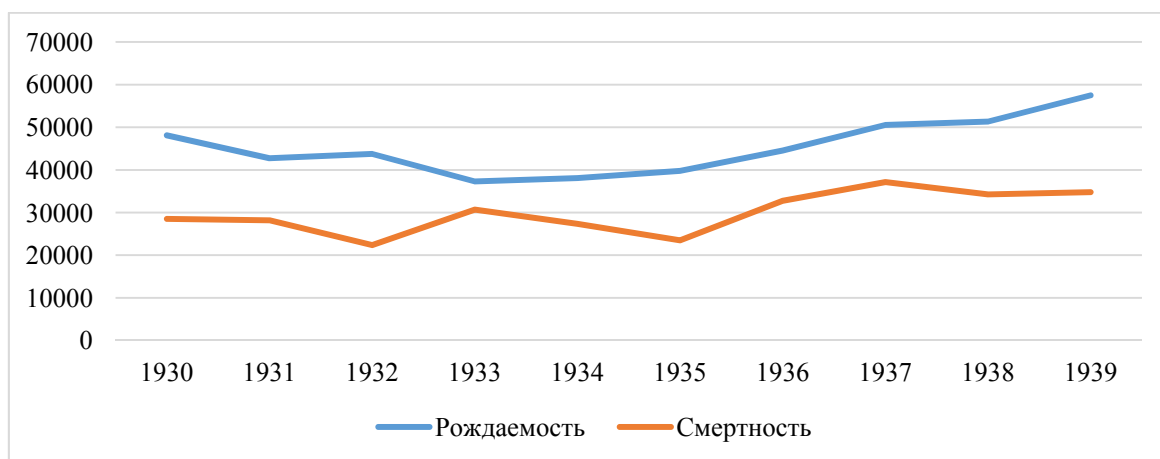

Рис. 1. Рождаемость и смертность в Удмуртии в 1930-е гг., в границах на соответствующий год, чел.

В городских поселениях рост числа рождений за 1930-е гг. составил 2,5 раза, что было вполне естественно, учитывая увеличение численности горожан вследствие нарастания урбанизационных процессов, а также административно-территориальных преобразований. Поскольку именно в 1937 г. в состав Удмуртии вошли Воткинск, Сарапул и Камбарка, не случайно, именно на этот год пришелся скачок числа рождений горожан.

В городских поселениях за рассматриваемое десятилетие наиболее выросла рождаемость у удмуртов, что объясняется их активным переселением из сельской местности. Но если число горожан титульной национальности увеличилось с 1926 по 1939 гг. на порядок, то рождаемость за 1930-е гг. стала больше лишь в 3,7 раза. При этом очевидно, что в города переселялась в основном молодежь в репродуктивном возрасте. Схожей ситуация была у другого восточно-финского народа. Несмотря на многократный рост численности городских марийцев, у них и в начале десятилетия, и в конце его появлялось лишь по одному новорожденному.

В сельской местности рождаемость населения после голода 1932–1933 гг. восстанавливалась гораздо медленнее. Лишь в 1939 г. был превзойден уровень 1930 г., да и то незначительно: всего на 3,1 %. При этом численность селян в республике, несмотря на уход в города значительной массы деревенских жителей, увеличилась за этот период гораздо больше. Стагнация рождаемости сильно зависела от удмуртов, имевших наибольшую долю в сельском населении. В отличие от русских или татар, у них на селе рождаемость стала расти только с 1935 г., причем рост был недолгим, и в 1937 г. у удмуртов в сельской местности рождаемость снова упала.

Это было вызвано очередным голодом. В 1936 г. Удмуртия пострадала от неурожая, который, по мнению О. Н. Леконцева, оказался гораздо сильнее, чем в 1932–1933 гг. [Леконцев 2012, 21–27], что подтверждается демографическими процессами. С учетом 9-месячного срока, необходимого для вынашивания ребенка, голод должен был отразиться на показателях рождаемости в 1937 г., в котором уже учитывалась рождаемость населения присоединенных территорий; среди него преобладали русские. Оценить влияние голода 1936 года можно на примере сельских удмуртов и татар, численность которых в результате административно-территориальных преобразований увеличилась несильно. У первых в 1937 г. младенцев появилось на свет на 13,8 % меньше, чем в неурожайном году, у вторых – на 12,9 %. При этом только у удмуртов в сельской местности число рождений в конце десятилетия оказалось меньше, чем в его начале.

Роды чаще всего, особенно в сельской местности, происходили дома, при помощи повивальных бабок и знахарок. Родовспомогательных учреждений было еще недостаточно, но и имевшиеся использовались не в полной мере. Так, в 1940 г. в родильных отделениях райбольниц Удмуртии койки использовались на 71,5 %, а в родильных домах – на 58,3 %. Многие родильные дома, особенно колхозные, пустовали. Например, в Грахово колхозный роддом на 3 койки принял за год всего 12 родов. Родильное отделение в Глазовской больнице использовалось 218 дней, Воткинской – 282 дня вместо 330. Сказывались традиционализм, а также нежелание рожать в роддомах из-за царившей в некоторых из них антисанитарии, ненадлежащего медицинского ухода за роженицами, следствием чего была большая смертность новорожденных; в 1940 г. в Алнашах было 27 подобных случаев [ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 323. Л. 22, 127]; в Глазовской больнице из родившихся в октябре–декабре 1938 г.

умерло 79 новорожденных, подавляющая часть – уже дома, после выписки. Как выяснилось, в родильном отделении было холодно, грязно, отсутствовал стерильный материал, а одна из работавших при родах медсестер была инфицирована гнойным воспалением, чем вызвала всеобщий сепсис [ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 168. Л. 21, 21об.].

Отметим также, что немалая часть беременностей заканчивалась мертворождениями (в статистических отчетах их национальность, к сожалению, не отмечена). Так, в 1931 г. в городских поселениях Удмуртии число мертворожденных составило 73 чел. (1,3 % от числа родившихся живыми в городах в том году), в сельской местности – 276 чел. (0,7 %), в 1934 г. – соответственно 73 чел. (1,5 %) и 262 чел. (0,8 %), в 1936 г. – 129 чел. (1,9 %) и 590 чел. (1,6 %), 1939 г. – 276 чел. (2,0 %) и 675 чел. (1,5 %) [ЦГА УР. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 1081. Л. 97, 97об.; Д. 1167. Л. 37, 45; Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 101. Л. 189, 189об.; Оп. 7. Д. 1. Л. 24, 44].

Кривая смертности (в отличие от рождаемости) имела более заметную амплитуду: периоды снижения несколько раз сменялись резкими подъемами (рис. 1). В 1933 г. в Удмуртской автономной области умерло на 37,3 % больше, чем в предыдущем году (табл. 3). В 1936 г. по отношению к предыдущему году показатель смертности подскочил на 39,6 %, в 1937 г. – еще на 13,4 % (в 1937 г. рост вызывался, скорее всего, тем, что увеличилась численность населения, но весьма показательным, что в последующие два года число умерших снизилось). Эти скачки могли быть вызваны только экзогенными причинами, оба раза виновником увеличения смертности становился голод. О влиянии голода свидетельствует то, что в сельской местности увеличение было гораздо заметнее. Рост смертности в 1933 и 1936 гг. показал такие высокие значения отчасти и потому, что накануне ее показатели были минимальными. И 1932-й, и 1935-й гг. завершали периоды снижения смертности. Очевидно, что если на рост смертности влияло неудовлетворительное продовольственное обеспечение, то улучшение ситуации с ним вело к обратной тенденции.

Общие для всего населения Удмуртии тенденции динамики смертности были в основном характерны и для крупнейших народов области/республики (без учета данных за 1932 г.). Пиковые значения у русских, удмуртов и татар пришлось на 1933 и 1936 гг. Перед голодными годами у них также наблюдалось снижение смертности. Исключением здесь являлись русские: у них смертность стала повышаться уже в 1935 г. Соответственно, в 1930-е гг. минимум умерших у удмуртов и татар пришелся на 1935 г., а у русских – на 1934 г.

В 1936 г. в результате голода в Удмуртии русских умерло на 31,5 % больше, чем в предыдущем году, удмуртов – на 48,7 %, а татар – на 49,0 %. Если сравнить количество умерших только в сельской местности, где голод был заметнее, то у русских рост составил 32,0 %, у удмуртов – 48,7 %, у татар – 53,9 %.

В 1937 г. у русских смертность резко выросла, но в этом году уже учитывались административно-территориальные преобразования, в ходе которых численность населения резко выросла. Наибольшую долю в населении присоединенных территорий, как удалось выяснить выше, составили русские. Повысилась в этом году смертность и у татар, а у удмуртов – наоборот снизилась. Обращает на себя внимание аномально высокий показатель смертности у марийцев: в 1937 г. умерло 272 чел., хотя в следующем году ушло из жизни 156 представителей данной этнической общности Республики, а в предыдущие годы, данные по которым нам известны, число умерших марийцев не превышало и сотни человек. В 1938 г. у всех четырех народов Удмуртии смертность снизилась, а в 1939 г. – несколько повысилась (лишь у марийцев продолжилось снижение).

Разработка причин смертности велась в тот период только по городскому населению, без указания национальности. Больше всего погибали от заболеваний легких, желудочно-кишечных заболеваний, врожденной слабости и преждевременного рождения, туберкулеза, кори. Работа органов здравоохранения оставляла желать лучшего, главные проблемы отрасли заключались в нехватке финансирования, слабой материально-технической базе, кадровом дефиците. Распространению болезней способствовало не только некачественное питание, но и массовое несоблюдение санитарно-гигиенических правил.

Значительную роль в высоких показателях смертности играла младенческая смертность, доля которой была исключительно велика. В 1930 г. в целом по области в общем количестве умерших удельный вес детей в возрасте до года составил 41,8 % (табл. 6). У татар этот показатель равнялся 38,1 %, у марийцев – 40,6 %, у удмуртов – 41,1 %, а у русских – вообще 43,2 %. На протяжении 1930-х гг. удельный вес младенческой смертности в общей смертности имел разнонаправленную динамику, но в целом снижался (даже до 25,2 % у татар и до 25,6 % у марийцев). В итоге к концу десятиле-

тия он оказался равен 42,0 % у русских, 39,6 % – у удмуртов и 37,6 % – у марийцев. Лишь у татар в конце десятилетия доля оказалась выше, чем в его начале – 41,2 %.

В первой половине 1930-х гг. абсолютные значения младенческой смертности в Удмуртии уменьшались. В 1935 г. они достигли минимума (правда, у марийцев минимальное значение было в 1931 г., у русских и татар – в 1934 г.), по сравнению с 1930 г. детей в возрасте до года умерло на 27,1 % меньше. У удмуртов сокращение было еще большим – на 33,9 %.

В 1936 г. младенческая смертность в связи с голодом резко выросла, более, чем наполовину – на 51,5 %. У удмуртов она выросла гораздо сильнее – на 68,6 %. Скачок смертности наблюдался и у русских, и у татар вне зависимости от места проживания. В 1937–1938 гг. у всех народов детей в возрасте до года умерло меньше, а в 1939 г. – больше. Чтобы сравнить относительную младенческую смертность, требуется использовать коэффициенты, которые высчитываются по отношению к родившимся. Однако в отчетах статистического ведомства они не обнаружены, поэтому рассчитать их придется самостоятельно.

Коэффициенты младенческой смертности рассчитаны автором путем деления числа умерших в возрасте до года на число родившихся в данном году и умножения полученного результата на тысячу. Правильнее было бы воспользоваться формулой Ратса, но для ее применения требуются сведения за рассматриваемый год и предыдущий. В этом случае данные о младенческой смертности у марийцев удалось бы вычислить лишь за 1931 и 1938–1939 гг., а у остальных не удалось бы получить сведения за 1933 г. К тому же статистическое ведомство само зачастую прибегало к упрощенной методике вычисления коэффициентов младенческой смертности.

Результаты расчетов представлены в табл. 6. Они свидетельствуют о том, что самый высокий уровень младенческой смертности в 1930-е гг. в эти годы был характерен для русских. У удмуртов он был ниже. Еще меньше, причем значительно, уровень был у татар. Что касается марийцев, то у них младенческая смертность была либо очень высокая (1937 г.), либо очень низкая (1931, 1938, 1939 гг.). Связано это было с относительно небольшим количеством марийцев в республике и соответственно нестабильной динамикой количества родившихся и умерших младенцев.

Таблица 6

Смертность детей до 1 года в ВАО/УАО/УАССР в 1930–1939 г. по национальности

	К числу умерших, %					К числу родившихся в данном году, ‰				
	Всего	Русские	Удмурты	Татары	Марийцы	Всего	Русские	Удмурты	Татары	Марийцы
1930	41,8	43,2	41,1	38,1	40,6	247,5	264,9	242,3	151,3	251,6
1931	38,7	42,3	37,3	35,7	25,7	255,2	256,8	257,2	186,2	113,2
1933	32,8	36,6	30,6	26,4	Нет свед.	269,7	294,2	262,9	209,5	Нет свед.
1934	32,7	39,2	29,8	25,2	Нет свед.	235,1	237,2	243,0	174,8	Нет свед.
1935	37,0	40,6	34,1	36,4	50,0	218,2	242,2	205,6	204,7	216,0
1936	40,1	41,9	38,7	40,8	Нет свед.	295,3	294,3	301,7	277,7	Нет свед.
1937	37,7	40,8	34,4	35,3	33,5	277,3	282,5	277,2	250,8	322,7
1938	35,7	38,0	33,1	38,4	25,6	238,0	243,5	246,4	214,2	149,8
1939	40,9	42,0	39,6	41,2	37,6	247,0	255,9	245,3	217,8	187,9

Источник: данные табл. 2, 3, 5.

Что касается естественного прироста населения Удмуртии, то бросается в глаза резкое его сокращение в 3,2 раза в 1933 г. В городах в этом году родилось всего на 37 чел. больше чем умерло. При этом у русских, удмуртов и татар статистические отчеты фиксировали убыль (правда, она могла получиться из-за их попадания в категорию «не указавшие национальность»). С 1934 г. естественный прирост в республике стал увеличиваться, но в 1936 г. наступило новое снижение, причиной которому явился очередной голод. Это падение было менее значительным, чем в 1933 г., поскольку вызванное голодом снижение рождаемости пришлось в основном уже на 1937 г. В конце десятилетия естественный прирост был уже высоким, превышающим уровень 1930 г. Только удмурты оказались единственными, у которых прирост в конце десятилетия был ниже, чем в начале 1930-х гг.

Если же суммировать естественный прирост в количественном выражении за десятилетие, то окажется, что в Удмуртии за счет превышения рождаемости над смертностью за 1930–1939 гг. (без

1932 г.) оказалось больше: русских – на 66241 чел., удмуртов – на 54886 чел., татар – на 5099 чел. Марийцев за 1930–1931, 1935, 1937–1939 гг. стало больше на 539 чел.

Зная размеры естественного прироста этнических общностей и изменения их численности, можно попытаться определить значение других факторов (миграция, ассимиляция). Правда, для этого придется сдвинуть границы рассматриваемого периода. Поскольку в 1937–1939 гг. территория Удмуртии значительно расширилась, возьмем данные переписи 1937 г., на момент проведения которой площадь Удмуртии составляла 32 952 км² [ЦГА УР. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 1082. Л. 108], т. е. была лишь на 8,6 % больше, чем в 1926 г. По переписи 1937 г. русских в Удмуртской АССР насчитывалось 438890 чел., удмуртов – 456801 чел., татар – 33423 чел. [Всесоюзная перепись населения СССР 1937 года..., 103]. Таким образом, в 1927–1936 гг. (перепись 1937 г. тоже проводилась в январе, поэтому 1937 г. учитывать не следует) численность русских в Удмуртии выросла на 111 397 чел., удмуртов – на 61 194 чел., татар – на 16 288 чел. Естественный прирост за тот же период (без 1929 и 1932 гг.) составил: русские – 52 615 чел., удмурты – 53 326 чел., татары – 3 944 чел. [Статистический ежегодник за 1927 г. ..., 8; Статистический ежегодник за 1928 г. ..., 8; табл. 4].

Таким образом, мы видим, что естественный прирост русских (даже без данных за 1929 и 1932 гг.) далеко не компенсировал увеличение их численности в Удмуртии, которое было намного больше. Соответственно, разница была покрыта либо за счет миграции, либо ассимиляции. Как показало исследование межэтнических браков, к концу 1930-х гг. в республике уже активно шли ассимиляционные процессы [Уваров 2014, 142]. Правда, наибольшее распространение межэтнические браки получили в городах, а их количество говорит о том, что недостающую разницу русские за счет ассимиляции восполнить не могли. Например, в 1936 г. только 205 русских мужчин женились на представителях иной национальности, и 243 русские женщины выбрали в мужа нерусских мужчин [Уваров 2014, 137–138].

У удмуртов, по всей видимости, с учетом 1929 и 1932 гг. естественный прирост несколько превысил увеличение численности. Этот небольшой избыток мог ассимилироваться либо мигрировать. Как известно, ассимиляции этнической предшествует ассимиляция языковая. В 1939 г. почти все русские Удмуртской АССР своим родным языком считали русский. У татар удельный вес с родным татарским языком равнялся 97,1 %, а в городах – 95,8 %. У удмуртов доля считающих своим родным удмуртский язык составила 98,7 %, но в городах – только 91,1 % [Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион..., 86]. Именно городские удмурты чаще всего вступали в национально-смешанные браки [Уваров 2014, 137–138]. Получается, что ассимиляционные потери удмурты понесли, но в отличие от второй половины XX века [Уваров 2018], они были незначительными. Определить их размеры, по всей вероятности, не удастся.

Что касается территориальных перемещений, то исследование Г. К. Шкляева показало, что в довоенные годы миграционная активность удмуртов была низкой. За пределы республики по сравнению с другими этносами они выезжали реже. Из крупных миграций того времени Г. К. Шкляев отмечает лишь отлив части населения в Сибирь в годы коллективизации сельского хозяйства, хотя статистических данных об этом не имеется [Удмурты..., 58].

Что касается татар, то, как мы и предположили выше, в межпереписной период шло активное их переселение на территорию Удмуртии, основной прирост численности дала миграция. У марийцев естественный прирост известен в данный период лишь за некоторые годы, поэтому в данном случае их рассматривать не будем.

Для объективного сравнения проанализируем также относительную рождаемость и смертность. Общие коэффициенты рассчитать придется самостоятельно, поскольку в архивных материалах статистического ведомства региона их нет. Результаты расчетов на основе данных о численности, а также рождаемости и смертности за 1926 и 1939 гг., представлены в табл. 7. Конечно, для подобных расчетов требуется исходить из среднегодовой численности этнических общностей, но таковая неизвестна.

В 1926 г. общий коэффициент рождаемости у всех народов был высоким: у удмуртов – 58,0‰, у татар – 56,4‰, у русских – 54,8‰, у марийцев – 54,5‰. В сельской местности он был выше у удмуртов и русских, в городских поселениях – у татар (из-за того, что в городах в том году не родился ни один мариец, определить коэффициент рождаемости у них не представилось возможным).

К 1939 г. рождаемость у всех народов сократилась (и в городах, и на селе), но по-прежнему самой высокой она была у удмуртов (51,9 ‰). Ее продолжала обеспечивать сельская часть данной этнической общности. Немного уступали им татары (50,5 ‰), при этом в городах они имели самую высокую рождаемость среди этих народов. У марийцев коэффициент составил 49,7 ‰, у них в городах

наоборот была самая низкая рождаемость (4,2 ‰) из-за того, что среди них родилось очень мало горожан. Для русских была характерна самая низкая рождаемость (42,8 ‰).

Таблица 7

Рождаемость, смертность, естественный прирост населения Удмуртской АССР в 1926 и 1939 г. по национальности, на 1000 населения

		Рождаемость			Смертность			Естественный прирост		
		Удм. АССР	город. посел.	сельск. местн.	Удм. АССР	город. посел.	сельск. местн.	Удм. АССР	город. посел.	сельск. местн.
Русские	1926	54,8	46,2	57,1	28,5	21,1	30,4	26,3	25,1	26,7
	1939	42,8	41,9	43,4	26,1	26,1	26,1	16,7	15,8	17,3
Удмурты	1926	58,0	39,2	58,1	38,2	37,6	38,2	19,8	1,6	19,9
	1939	51,9	43,7	52,5	32,1	27,1	32,5	19,8	16,6	20,0
Татары	1926	56,4	73,3	51,3	25,7	32,9	23,5	30,7	40,4	27,8
	1939	50,5	54,3	47,5	26,7	30,1	24,0	23,8	24,2	23,5
Марийцы	1926	54,5	–	54,6	42,8	–	42,9	11,7	–	11,7
	1939	49,7	4,2	51,6	24,8	12,7	25,3	24,9	- 8,5	26,3

Источник: Статистический ..., 10, 13; ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 1. Л. 26, 46, 56.

Снижение рождаемости в 1930-е гг. объяснялось происходившими в стране процессами. Начавшаяся форсированная индустриализация привела к переезду в города большого количества молодых людей, вследствие чего сельская местность лишилась огромного числа женихов и невест. Но и в городах переехавшие не сразу обзаводились потомством из-за бытовой неустроенности, жилищная проблема стояла очень остро. Раскулачивание, сопровождавшееся выселением, также негативно отразилось на рождаемости.

В результате ускоренной урбанизации распространялся городской образ жизни, менялось положение женщины в обществе, происходило широкое вовлечение ее в общественное производство вне дома. Рос образовательный уровень, который вел к откладыванию родов и уменьшению среднего числа детей. В 1939 г. доля лиц с высшим образованием у русских женщин равнялась 2,3 на каждую тысячу человек, у удмурток – 0,6, у татарок – 0,2. Удельный вес лиц с незаконченным высшим, средним и семилетним образованием составлял соответственно 61, 28 и 30 [ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 254. Л. 4–5]. Менялось репродуктивное поведение женщин, всё чаще прибегавших к намеренному ограничению числа детей путем абортов (к сожалению, этнический аспект прерывания беременностей по архивным материалам проследить невозможно).

Смертность в 1926 г. была крайне высокой у марийцев и удмуртов (42,8 и 38,2 ‰ соответственно). Гораздо ниже она была у татар и русских области (25,7 и 28,5 ‰). Благодаря этому коэффициенты естественного прироста восточно-финских народов сильно уступали: 11,7 ‰ у марийцев и 19,8 ‰ у удмуртов против 30,7 ‰ у татар и 26,3 ‰ у русских.

В 1939 г. положение улучшилось: у русских смертность уменьшилась на 2,4 ‰, у удмуртов – на 6,1 ‰, а у марийцев – на 18,0 ‰. Лишь у татар она выросла на 1,0 ‰. Самая высокая смертность оказалась у удмуртов, а самая низкая – у марийцев. Очевидно, что на общее снижение смертности оказала влияние деятельность органов здравоохранения. Поскольку снижение шло медленно, и уровень смертности оставался по-прежнему высоким, эта деятельность требовала дальнейшего совершенствования.

Коэффициент смертности у удмуртов снизился на ту же величину, что и уровень рождаемости, поэтому относительный показатель естественного прироста у них не изменился (19,8 ‰). В 1926 г. ниже он был только у марийцев (11,7 ‰), а в 1939 г. – у русских (16,7 ‰).

Таким образом, имеющиеся источники рисуют относительно полную картину этнодемографических процессов. Полученные выводы и результаты могут помочь по-новому взглянуть на региональную историю 1930-х гг. Особую ценность здесь представляет введение в научный оборот данных о национальном составе населения Удмуртии в 1926 г. в границах 1939 г., близких к современным, что позволяет сравнить его с последующими изменениями. На обширном демографическом материале подтверждена версия о том, что голод 1936 г. в Удмуртии был не менее серьезным, чем в 1932–1933 гг. Весьма важными представляются полученные в результате расчетов сведения о значительной миграции русских и татар в Удмуртию в годы первых пятилеток. Те же расчеты показывают, что ассимиляционные потери удмуртов были еще незначительны.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России: 1927–1957. М.: Информатика, 1998. 187 с.
- Араловец Н. А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 303 с.
- Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект). М.: Статистика, 1977. 128 с.
- Вербицкая О. М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг.: (историко-демографический аспект). М.-Тула: Гриф и К, 2009. 295 с.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР: Вотская автономная область [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=536 (дата обращения: 11.08.2019).
- Всесоюзная перепись населения СССР 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.
- Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php (дата обращения: 11.08.2019).
- Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. В 10 т. Вып. 3: Население СССР. М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1927. 63 с.
- Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов / Сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.
- Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
- Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 242 с.
- Козлов В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982. 303 с.
- Корнилов Г. Е. Демографическая ситуация на Урале в середине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 4. С. 60–66.
- Корнилов Г. Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 80–89.
- Леконцев О. Н. Причины и последствия голода 1932–1933 гг. (на материалах Кировской области и Удмуртской Республики) // Вестник Самарского университета. Естественная серия. 2010. № 7. С. 170–173.
- Леконцев О. Н. Голод 1936 г. в Кировской области и Удмуртской АССР // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 21–27.
- Логина Н. Н., Жулина М. А. Финно-угорские народы мира и России: геодемографический аспект // Финно-угорский мир. 2011. № 2–3. С. 75–81.
- Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: ТГУ, 2013. 283 с.
- Статистический сборник за 1924–1926 гг. Ижевск: Издание Облстатотдела, 1927. 520 с.
- Статистический ежегодник за 1927 г. Ижевск: Издание Облстатотдела, 1928. 228 с.
- Статистический ежегодник за 1928 г. Ижевск: Издание Облстатотдела, 1929. 216 с.
- Уваров С. Н. Демографические и ассимиляционные процессы среди удмуртов во второй половине XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Том 12. Выпуск 1. С. 107–123.
- Уваров С. Н. Межнациональные браки в Удмуртской АССР в 1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 4. С. 133–145.
- Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки / науч. ред. А. Е. Загребин. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2012. 288 с.
- Удмурты: историко-этнографические очерки / науч. ред. В. В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 392 с.
- Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 1069.
- ЦГА УР. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 1081.
- ЦГА УР. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 1082.
- ЦГА УР. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 1167.
- ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 168.
- ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 323.
- ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 1. Д. 91.
- ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 101.
- ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 108.
- ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 109.
- ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 254.
- ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 1.
- Anderson V., Silver V. Demographic analysis and population catastrophes in the USSR // Slavic Review. 1985. V. 44. № 3. P. 517–536.

Lallukka S. The East Finnic Minorities in the Soviet Union: An Appraisal of the Erosive Trends. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1990. 344 p.

Lorimer F. The Population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva: League of Nations, 1946. 350 p.

Rosefelde S. Excess mortality in the Soviet Union: A reconsideration of the demographic consequences of forced industrialization, 1929–1949 // Soviet Studies. 1983. Vol. 35, № 3. P. 385–409.

Поступила в редакцию 20.09.2019

Уваров Сергей Николаевич,

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории, социологии и политологии
ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия»

426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 11

E-mail: sergey.uvarov@mail.ru

S. N. Uvarov

ETHNODEMOGRAPHIC PROCESSES IN UDMURTIA IN THE 1930s

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-664-677

The article examines the unexplored topic of demographic processes that took place among Russians, Udmurts, Tatars and Mari of Udmurtia in the 1930s. The sources were mainly unpublished current statistics, as well as census materials, including unpublished ones. For the first time, information on ethnic fertility and mortality from 1930 to 1939 was introduced into scientific circulation in the region (except 1932, data for which could not be found in the archives). They made it possible to trace the dynamics and compare the trends of the natural movement of the largest nationalities in the region, to establish the factors that influenced reproduction. Among them is famine, and demographic indicators prove that in 1936 it was no less significant than in 1932–1933. The results of natural growth are calculated. Based on them, it was concluded that assimilation has not yet played a big role, and the number of Russians and Tatars has increased significantly due to their resettlement in Udmurtia. The relative values of ethnic reproduction for 1926 and 1939 were also calculated. The Udmurts had the highest birth rate during these years, and the Mari in mortality in 1926 and the Udmurts in 1939. The national composition of Udmurtia in 1926 was determined within the 1939 borders. This allowed, firstly, to establish a real increase the number of four peoples during the census period within the same territory. Secondly, it was possible to determine that in 1927–1938. Territories were added to the oblast on which in December 1926 263,774 people lived. The findings and results will help to take a fresh look at the regional history of the 1930s.

Keywords: birth rate, mortality, natural increase, infant mortality, Russians, Udmurts, Tatars, Mari, Udmurtia, 1930s, hunger, health.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 4, pp. 664–677. In Russian.

REFERENCE

Andreev E. M., Darskii L. E., Khar'kova T. L. *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1957* [Demographic history of Russia: 1927–1957]. Moscow, Informatika Publ., 1998. 187 p. In Russian.

Aralovets N. A. *Gorodskaya sem'ya v Rossii, 1927–1959 gg.* [Urban family in Russia, 1927–1959]. Tula: Grif i K Publ, 2009. 303 p. In Russian.

Bondarskaya G. A. *Rozhdaemost' v SSSR (etnodemograficheskii aspekt)* [The birth rate in the USSR (ethno-demographic aspect of)]. Moscow, Statistika Publ., 1977. 128 p. In Russian.

Verbitskaya O. M. *Rossiiskaya sel'skaya sem'ya v 1897–1959 gg.: (istoriko-demograficheskii aspekt)* [Russian rural family in 1897–1959. (historical and demographic aspect)]. Moscow-Tula, Grif i K Publ., 2009. 295 p. In Russian.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po regionam RSFSR: Votskaya avtonomnaya oblast' [All-Union Census of 1926. The national composition of the population by region of the RSFSR: Votsk Autonomous Oblast]. In Russian. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=536 (accessed 11.08.2019).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1937 goda: Obshchie itogi. Sbornik dokumentov i materialov [The All-Union Census of the USSR Population of 1937: General Results. Collection of documents and materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 320 p. In Russian.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya raionov, gorodov i krupnykh sel RSFSR [All-Union Census of 1939. The national composition of the population of districts, cities and large villages of the RSFSR]. In Russian. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php (data obrashcheniya: 11.08.2019).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkie svodki [All-Union Census of December 17, 1926: Summary]. V 10 t. Vyp. 3: Naselenie SSSR. Moscow, TsSU Soyuz SSR Publ., 1927. 63 p. In Russian.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1939 goda: Ural'skii region: Sbornik materialov [1939 All-Union Census of the USSR: Ural Region: Compendium of Materials] / Sost. V. P. Motrevich. Ekaterinburg: Gumanitarnyi un-t Publ., 2002. 372 p. In Russian.

Zhiromskaya V. B. *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzglyad v neizvestnoe* [The demographic history of Russia in the 1930s. A look into the unknown]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 280 p. In Russian.

Isupov V. A. *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoi polovine XX veka: istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic disasters and crises in Russia in the first half of the twentieth century: historical and demographic essays]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2000. 242 p. In Russian.

Kozlov V. I. *Natsional'nosti SSSR. Etnodemograficheskii obzor* [Nationalities of the USSR. Ethnographic demographic review]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1982. 303 p. In Russian.

Kornilov G. E. Demograficheskaya situatsiya na Urale v seredine 1930-kh gg. [The demographic situation in the Urals in the mid-1930s.]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2016. T. 23. № 4. P. 60–66. In Russian.

Kornilov G. E. Evolyutsiya mladencheskoi smertnosti na Urale v pervoi polovine XX v. [The evolution of infant mortality in the Urals in the first half of the XX century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2014, no. 3, pp. 80–89. In Russian.

Lekontsev O. N. Prichiny i posledstviya goloda 1932–1933 gg. (na materialakh Kirovskoi oblasti i Udmurtskoi Respubliki) [The causes and consequences of the famine of 1932–1933 (Based on materials from the Kirov region and the Udmurt Republic)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Estestvennonauchnaya seriya* [Bulletin of Samara University. Natural Science Series], 2010, no. 7, pp. 170–173. In Russian.

Lekontsev O. N. Golod 1936 g. v Kirovskoi oblasti i Udmurtskoi ASSR [Famine of 1936 in the Kirov region and the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences], 2012, no. 3, pp. 21–27. In Russian.

Loginova N. N., Zhulina M. A. Finno-ugorskie narody mira i Rossii: geodemograficheskii aspekt [Finno-Ugric peoples of the world and Russia: geo-demographic aspect]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric world], 2011, no. 2–3, pp. 75–81. In Russian.

Nefedov S. A. *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoi kollektivizatsii* [Agrarian and demographic results of Stalin's collectivization]. Tambov, TGU Publ., 2013. 283 p. In Russian.

Statisticheskii sbornik za 1924–1926 gg. [Statistical Digest of 1924–1926]. Izhevsk, Oblstatotdel Publ., 1927. 520 p. In Russian.

Statisticheskii sbornik za 1927 g. [Statistical Digest of 1927]. Izhevsk, Oblstatotdel Publ., 1928. 228 p. In Russian.

Statisticheskii sbornik za 1928 g. [Statistical Digest of 1928]. Izhevsk, Oblstatotdel Publ., 1929. 216 p. In Russian.

Uvarov S. N. Demograficheskie i assimilyatsionnye protsessy sredi udmurtov vo vtoroi polovine XX veka [Demographic and assimilation processes among Udmurts in the second half of the twentieth century]. *Ezhгодnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies], 2018, tom 12, no. 1, pp. 107–123. In Russian.

Uvarov S. N. Mezhnatsional'nye braki v Udmurtskoi ASSR v 1930-e gg. [Interethnic marriages in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1930s.]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia], 2014, no. 4, pp. 133–145. In Russian.

Udmurtskaya Respublika: istoriko-etnograficheskie ocherki [Udmurt Republic: historical and ethnographic essays]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 2012. 288 p. In Russian.

Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki [Udmurts: historical and ethnographic essays]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 1993. 392 p. In Russian.

Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki (hereinafter – TsGA UR) [The central state archive of the Udmurt Republic]. F. R-35. Op. 1. D. 1069.

TsGA UR. F. R-35. Op. 1. D. 1081.

TsGA UR. F. R-35. Op. 1. D. 1082.

TsGA UR. F. R-35. Op. 1. D. 1167.

TsGA UR. F. R-551. Op. 2. D. 168.

TsGA UR. F. R-551. Op. 2. D. 323.

TsGA UR. F. R-845. Op. 1. D. 91.

TsGA UR. F. R-845. Op. 3. D. 101.

TsGA UR. F. R-845. Op. 3. D. 108.

TsGA UR. F. R-845. Op. 5. D. 254.

TsGA UR. F. R-845. Op. 3. D. 109.

TsGA UR. F. R-845. Op. 7. D. 1.

Anderson B., Silver B. Demographic analysis and population catastrophes in the USSR. *Slavic Review*, 1985, vol. 44, no. 3, pp. 517–536. In English.

Lallukka S. *The East Finnic Minorities in the Soviet Union: An Appraisal of the Erosive Trends*. Helsinki, Soumal. tiedeakat. Publ., 1990. 344 p. In English.

Lorimer F. *The Population of the Soviet Union: History and Prospects*. Geneve, League of Nations Publ. 1946. 350 p. In English.

Rosefelde S. Excess mortality in the Soviet Union: A reconsideration of the demographic consequences of forced industrialization, 1929–1949. *Soviet Studies*, 1983, vol. 35, no. 3, pp. 385–409. In English.

Received 20.09.2019

Uvarov Sergey Nikolaevich,
Candidate of History, Head of Department of domestic history, sociology and political science
Izhevsk State Agricultural Academy
Studencheskaya st., 11, Izhevsk, 426069, Russian Federation
E-mail: sergey.uvarov@mail.ru